

После того как Хоу Юйкуй нанес грим, он выглядел весьма привлекательно: его лицо стало более округлым, с густыми бровями и большими глазами, что придавало ему сходство с Сюэ Пингуем, героем пьесы. Шан Сижуй, не отрывая глаз от обуви Хоу, держался за край своей одежды, затем начал непроизвольно грызть ногти. Сидя на стуле, он вдруг встал, потоптался на месте и снова сел. Нью Байвэнь и Бэйлэ Ань решили, что он либо нервничает, либо хочет в туалет. Скорее всего, это было последнее. Ведь кто он такой? Шан Сижуй! Он видал куда более серьезные ситуации! Если говорить о важных зрителях, он выступал перед императором в Тяньцзине; если о страхе сцены, то в Шанхае он играл перед полным залом Театра Небесной Жабы, где было три тысячи мест. Он прошел через множество испытаний, так что сегодняшний вечер был пустяком. Не мог же он нервничать! Должно быть, это просто желание сходить в туалет!

Нью Байвэнь тихо предложил:

— Господин Шан, может, сходите перед выступлением? На сцене придется провести немало времени.

Шан Сижуй покачал головой, полностью погрузившись в обгрызание ногтей.

Спектакль «Восемь Бессмертных пересекают море» близился к завершению. Хоу Юйкуй, закрыв глаза, произнес:

— Хватит грызть, уже ничего не осталось.

Шан покраснел и опустил руку.

Хоу приоткрыл один глаз:

— Боишься?

Шан робко ответил:

— Мы еще не репетировали вместе.

Хоу усмехнулся:

— Не нужно! «Склон Уцзя» — старая пьеса. Следуй традициям, не выдумывай ничего нового, и тебя не освистают.

После этих слов Шан Сижуй еще больше занервничал и снова начал грызть ногти. Он не боялся выступления перед княгиней, он боялся Хоу Юйкуя. Для него Хоу был богом, и возможность выступить с ним на одной сцене казалась чем-то из мира грез. Если он упустит этот шанс, то будет сожалеть об этом всю жизнь!

Сяо Лай прекрасно понимала его чувства. Шан Сижуй часто проигрывал пластинки с записями Хоу, словно это были священные тексты, и чуть ли не установил бы ему алтарь для поклонения.

Унижение, которое Хоу нанес Шану, вызывало у других гнев, а у Сяо Лай — только боль. Особенно когда Шан терпеливо сносил оскорбления, оставаясь таким покорным и смиренным, что это вызывало жалость.

Сяо Лай встала рядом с Шаном, надеясь, что это придаст ему сил. Хоу Юйкуй, открыв глаза, посмотрел на Шана и, недовольно протянув:

— Я же сказал не грызть ногти, — заставил Шана быстро убрать руку.

Ню Байвэнь сдержанно усмехнулся, а Хоу, надев бороду, приготовился выходить на сцену. Он сам не заметил, как из-за покорности Шана его отношение к нему смягчилось.

Ван Баочуань, ожидавшая мужа восемнадцать лет, наконец встретила Сюэ Пингуя. В первой сцене их встречи Сюэ притворился развратником, чтобы проверить, действительно ли его жена осталась верной.

Перед выходом на сцену Шан Сижуй закрыл глаза, а когда открыл, он уже не был тем скромным актером. Его взгляд излучал гордость и решимость Ван Баочуань, а каждое движение было исполнено достоинства. Хоу Юйкуй был поражен, чувствуя, что перед ним действительно стоит верная жена, а сам он стал Сюэ Пингуем. Этот диалог требовал четкости речи и контроля дыхания, и Шан Сижуй справился блестяще. Каждое слово звучало ясно и мощно, он был спокоен и уверен. Даже Хоу Юйкуй не смог найти в его игре изъянов.

Чэн Фэнтай, привыкший к тому, как Шан Сижуй полностью перевоплощался в своих персонажей, смотрел на сцену с улыбкой, потягивая чай. Он не разбирался в театре, в отличие от Фань Ляня. Тот восхищенно заметил:

— Сегодня господин Шан совсем другой.

Чэн Фэнтай спросил:

— В чем разница?

— Он в прекрасной форме, полон энергии. Ну и как иначе, выступая с Хоу Юйкуем? Если бы он не выложился на полную, его бы просто затмили, и зрители видели бы только Сюэ Пингуя.

Фань Лянь вздохнул:

— Если бы сегодняшняя спектакль записали, это был бы шедевр на века!

Князь Ци встал и громко крикнул:

— Браво!

Сегодняшний вечер стал для него настоящим подарком.

После завершения сцены оба актера замерли, еще не выйдя из своих ролей, и смотрели друг на друга. Голос Хоу Юйкуя, известный как «луна, скрытая облаками», в начале был обычным, но к концу становился все более красивым, словно луна, выходящая из-за туч. Его голос, поддерживаемый дыханием, звучал так, будто ему было не семьдесят лет. Старшие зрители, слушая его, отмечали, что он все еще в отличной форме. Шан Сижуй, находясь в расцвете сил, играл с легкостью. Оба актера даже не запыхались. Зато Шуныцзы, лаявший во время спектакля, теперь тяжело дышал, высунув язык. Прислужница попыталась увести его, но он цеплялся за ограждение сцены, явно не желая уходить.

Фань Лянь, хлопая по столу, восхищенно произнес:

— Этот спектакль войдет в историю, сегодняшний вечер не прошел зря! Это стоило того!

Он выпил чай, как будто это было вино, с чувством полного удовлетворения. Чэн Фэнтай, не разбиравшийся в театре, чувствовал, что что-то не так, заметив, как два актера смотрят друг на друга с необычайной страстью.

Хоу Юйкуй спросил:

— Малыш, сыграем еще?

Шан Сижуй кивнул:

— Хорошо!

— Какую пьесу?

— Любую!

— Ого! Какая уверенность!

Шан смущенно улыбнулся.

— Похоже, без настоящего вызова тебя не остановишь!

Этот короткий диалог был слышен только им двоим, а зрители видели только их долгий взгляд друг на друга. Нью Байвэнь, поняв, что что-то происходит, подошел к сцене. Услышав слова Хоу, он с улыбкой сказал:

— Господин Хоу, что вы говорите! Вы — легенда! Еще одна пьеса — это честь для нас! Это будет подарком для княгини!

Он повернулся к Шану:

— Господин Шан, как вы на это смотрите?

Хоу Юйкуй сердито посмотрел на него:

— Зачем его спрашивать? Разве я не могу решать за него?

Шан снова смущенно кивнул, показывая, что он полностью доверяет Хоу. Нью Байвэнь рассмеялся. Раньше Шан так же покорно вел себя с Нин Цзюланом, но из-за особого отношения Нин он иногда позволял себе капризы. С Хоу он был послушным, как кролик.

Нью Байвэнь предложил:

— Осмелюсь предложить вам идею: раз уж это домашний спектакль, давайте сыграем «Излучину реки Фэнь»?

«Излучина реки Фэнь» была похожа на «Склон Уцзя» по костюмам и сюжету. Однако если «Склон Уцзя» мог исполнить любой, кто обладал четкой речью и хорошим голосом, то «Излучина реки Фэнь» требовала настоящего мастерства. Многие известные актеры не могли сыграть ее достойно. Более того, эти двое никогда не репетировали вместе, что делало их выступление настоящим риском.

Хоу Юйкуй, смотря на Шана свысока, произнес:

— Эта пьеса сложная!

Шан выпрямился:

— Я не боюсь!

Хоу улыбнулся и, повернувшись к Нью Байвэню, сказал:

— Эта пьеса не такая зрелищная, сегодняшний вечер может быть не самым подходящим временем для нее. Лучше спросите княгиню.

Вдовствующая императрица Цыси любила пьесы с актерским мастерством, и княгиня тоже предпочитала их. Гости были бы рады увидеть еще больше выступлений этих двух актеров, не обращая внимания на жанр. Получив одобрение, все остальные пьесы были отложены, чтобы освободить место для «Излучины реки Фэнь».

Хоу Юйкуй и Шан Сижуй, один за другим, спустились за кулисы, и Хоу бросил что-то назад. Шан поймал это и увидел, что это был тот самый реквизитный серебряный слиток.

Хоу сказал:

— Малыш, неплохо.

Несмотря на похвалу, его тон оставался высокомерным.

Шан Сижуй широко улыбнулся и тихо попросил Сяо Лай сохранить слиток как память, не собираясь возвращать его.

<http://bllate.org/book/15435/1368594>